

В СЕГДА рождаются тревожные мысли, когда представитель театра объявляет:

ВОЗМОЖНОСТИ КОМЕДИИ БЕЗГРАНИЧНЫ

— Это пьеса не для нас! Хочется спросить: а какая для вас? Та, что похожа на однажды уже сыгранную и принесшую театру большой успех? Та, что может поразить причудливостью формы? Комедии вы предпочитаете или драмы? И не кажется ли вам, что хорошая пьеса, пьеса новая и оригинальная, обязательно потребует от театра обновления привычных средств воплощения, заставит его работать по-другому?

Ведь многих театров в том и состоит, что их спектакли похожи друг на друга, как близнецы, хоть и у близнецов бывают разные характеры. Конечно же, непереносимы всеядность и невысказанность в выборе репертуара, но нередко бывает, что умозрительно определяя свое кредо, театры сами ограничивают свои возможности.

Ленинградский театр комедии не знает такой ограниченности: разнообразие его репертуара — это яростный спор с теми, кто, выступая под библейским стягом комедии, тратит энергию на смехотворные пустяки и, назвав спектакль комедийным, больше всего боится в нем глубоких мыслей, пламенных чувств, больших страстей. А как можно забывать, что поэму о самых потрясающих явлениях жизни загробной Данте назвал «Божественной комедией», а феномен страстей социальных Бальзак раскрыв в многотомной «Человеческой комедии». Весь русский театр начинался как театр высоких комедий Фонвизина, Грибоедова, Волкова, Островского, Сухово-Кобылина, которые вместе с тем социальными проблемами, разнообразием стилей и индивидуальностей

утверждают, что само звание комедии обязывает к предельной остроте в постановке важнейших жизненных вопросов, волнующих общество.

На гастроли в Москву Ленинградский театр привез три совершенно разных, совершенно не похожих друг на друга спектакля — он показал ставшую евангелием романтизма поэму Байрона «Дон Жуан», острейшую гротесковую пьесу классика русской драматургии Сухово-Кобылина «Дело» и новую комедию драматурга И. Дворецкого «Мост и скрипка».

Яростная обличительная страсть автора незримо присутствует в каждой сцене, в каждом образе комедии «Дело». Уже в списке действующих лиц, разделив героев на «начальства», «силы», «подчиненности» и «ничтожества», автор как бы требует обобщения, говорит, что образы героев обусловлены их положением на социальной лестнице. И постановщик спектакля Н. Акимова создает подчёркнуто гротесковый парад злых масок чиновничества старой России — всех этих душегубов, ваяточников, куйшинных рыл, десятилетиями губивших правых и виноватых. Поразительный портрет Максима Варавина создал П. Панков. Это «сила», злая и беспощадная, устрашающе уродливая, но именно там узнаваемым уродством, которое могла породить только тягостная атмосфера судебных департаментов Российской империи. Чиновничья, медлительная важность смешается жульнической ловкостью и хитрой изворотливостью, угодливость перед важными лицами — беспощадностью к «ничтожествам»

и все это ярко, броско, в лучшем смысле плакатно. Так же беспощадно и выразительно разоблачено и чванливое барство в образе Важного лица (В. Усков), и угодливо; хищное мелкое чиновничество в лице Тарелкина (Г. Тейх). Но если образы хищников созданы средствами яркого, предельно выразительного плаката, то «ничтожества» — живые люди, попавшие в дьявольскую машину. Это создает яркие контрасты света и тьмы, доброты и бесчеловечности. Здесь весь трагизм, все отчаяние без вины виноватого показано в роли Муromского А. Бениаминов.

Новое произведение И. Дворецкого «Мост и скрипка», на мой взгляд, своеобразно и оригинально уже потому, что это — не распространённый вид так называемой лирической комедии, где конфликты заменяются пустяковыми недоразумениями, лирические впадения — песенками, юмор — придуманными трюками. Это — бытовая комедия в лучшем смысле этого слова, где характеры героев точно очерчены, как бы списаны с натуры; они заняты своим делом, умны, талантливы, знают, чего хотят в жизни, в труде, в человеческих отношениях. Неожиданное стечение обстоятельств, на которые так щедро жизнь, привело к тому, что умному и талантливому инженеру большого строительства Бабашкину (В. Никитенко) надо либо жениться на случайно заглянувшей к нему деревенской девушке Маше (С. Карпинская), либо пройти через унижения и мешающие его работе распри. Молодые люди предпочли пожениваться. Так начинается комедия, комедия с неожиданным, необыч-

но острым разворотом событий. Здесь уже не романтические или гротесково сатирические образы — на сцену вышли живые люди. Театр (режиссер Р. Сирота) решительно отказывается от всяческих гиперболов, сатирических заострений, прямолинейности в обрисовке характеров. Юмор комедии — внутренняя теплота жизни, показывающей одну из своих веселых и неожиданных улыбок. И этой милой улыбкой, искренними чувствами и волнениями озарены все события, происходящие в доме инженера Бабашкина.

Восемнадцать лет — время поразительной восприимчивости, и, сохраняя всю наивность обитательницы глухой сибирской деревни, Маша, захваченная напряженной и интересной жизнью большой новостройки, растет на наших глазах. И Бабашкин влюбляется в эту новую Машу, в свою законную, но ни разу не целованную жену, которая решила его оставить... Многооточием кончается комедия, и, мне кажется, многие, особенно юные, зрители о многом подумают, уходя из театра, — о морали истинной и покаянной, о достоинстве и чести простых сердец, о силе и великодушии больших чувств.

Программу Ленинградского театра комедии незначем излагать в декларативных статьях и трактатах: спектакли, хорошие и разные, лучше всего говорят о том, что зритель принимает и романтическую поэму, и острую сатиру, и бытовую комедию, если они поставлены с уважением к индивидуальности автора, к высказательному вкусу наших современников.

В. СУХАРЕВИЧ.

иной информации — доб. 2,30
— в 3-69-03; Литературы и искус-
ств-53; Корреспондентской сети —

В 09028 Типография «Новости Советов»
Индекс 10001 Н. Н. Сырцова Стр
50050.

С И З В Е С Т И Я

МОСКВА

6 ИЮН 1964